

Предисловие редакторов-составителей

ДАВИД Г. ХУМАРЯН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3051-9439

ДМИТРИЙ М. ЖИХАРЕВИЧ

Лондонская школа экономики, Великобритания

ORCID: 0000-0002-2518-7858

ИЛЬЯ А. КОНОВАЛОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-9737-3422

8

К новым исследованиям труда: вместо предисловия

doi: 10.22394/2074-0492-2020-1-8-29

Резюме:

Во введении рассматривается современное состояние социологии труда и делается попытка выделить общие черты представленных в номере статей. «Новые исследования труда» практически не используют теоретические ресурсы индустриальной социологии XX века, но при этом стремятся удержать в фокусе внимания процесс труда и формы его организации в отличие от социологии профессий и занятости, концентрирующихся на рынках труда и карьерной мобильности. Наиболее релевантными теоретическими ресурсами для новых исследований труда оказываются традиции, лежащие за пределами дисциплинарных

Хумарян Давид Гагикович — аспирант факультета социальных наук, преподаватель кафедры экономической социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. E-mail: dhumaryan@hse.ru

Жихаревич Дмитрий Михайлович — PhD, LSE Fellow in Accounting, Лондонская школа экономики.

Коновалов Илья Александрович — аспирант факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: iakonovalov@hse.ru

границ социологии, — марксистская теория стоимости, автономизм, фукольдианские исследования организаций. В отличие от обширной антропологической и социологической литературы, посвященной детальному эмпирическому описанию различных видов «работы» (work), новые исследования труда отталкиваются от вопроса, как конкретная работа встраивается в процессы производства стоимости и накопления капитала, становясь абстрактным трудом. При этом предполагается, что граница, отделяющая труд от не-труда, является одновременно результатом социальной борьбы за признание и артикулируется в объективном процессе производства стоимости. Таким образом, труд рассматривается как фундаментальная, «сквозная» категория капиталистического способа производства, несмотря на то что эмпирическое содержание «труда» оказывается исторически изменчивым. В первой части введения дается очерк теоретических традиций, на которые опираются новые исследования труда. Во второй части представлен экскурс в историю традиционной социологии труда и ее проблем. Вслед за ним вниманию читателя предлагается краткий обзор содержания номера.

Ключевые слова: труд, социология труда, новые исследования труда, марксизм, операизм, эффект Фуко, марксистская социология, теория стоимости, социальная теория, политическая экономия

David G. Khumaryan

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3051-9439

Dmitrii M. Zhikharevich

LSE, UK

ORCID: 0000-0002-2518-7858

Ilya A. Konovalov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9737-3422

9

Towards New Studies of Labor: Instead of an Introduction

Abstract:

This introduction looks at the state of the field in the sociology of work and attempts to offer a general summary of the papers presented in this Special

David G. Khumaryan — Postgraduate student, Faculty of Social Sciences, Lecturer, Department of Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow. E-mail: dhumaryan@hse.ru

Dmitrii M. Zhikharevich — PhD, CARR, London School of Economics Fellow in Accounting, London School of Economics.

Ilya A. Konovalov — Postgraduate student, Faculty of Social Sciences, Department of Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics. E-mail: iakonovalov@hse.ru

Issue. “New Studies of Labor” (NSL) make virtually no use of the theoretical resources of the 20th century’s industrial sociology and try to sustain the focus on the labor process and the forms of its organization. They also differ from the contemporary literature on work and occupations which focuses on career mobility, labor markets, and income determination. Conceptually, the NSL rely on theoretical traditions that originate beyond sociology’s disciplinary boundaries: Marxist value theory, Italian Autonomist thought, and Foucauldian studies of organizations. As different from the vast anthropological and sociological literature devoted to detailed empirical analyses of ‘work’ and its different sites, the NSL start from the question about how a specific ‘work’ is being inscribed into the processes of value production and capital accumulation, thus also becoming abstract labor. Such an approach assumes that the boundary that divides ‘labor’ from ‘non-labor’ is a structural feature of the capitalist mode of production, being at the same time negotiated in the social struggles for recognition and articulated in the objective processes of value production. Thus, labor is seen as a fundamental category of capitalist production, even though its empirical content is historically variable. The first part of this introduction offers an outline of the theoretical traditions most relevant for making sense of the NSL. It then proceeds with a brief overview of industrial sociology/sociology of work and its shortcomings. The introduction concludes with an overview of the papers collected in this Special Issue.

10

Keywords: labor, work, sociology of work, new studies of labor, Marxism, Operaismo, the Foucault Effect, Marxist sociology, value theory, social theory, political economy

Labor/Power

Необычное название этого номера одновременно подчеркивает специфику нашего подхода к проблематике труда и отсылает к теоретическим традициям, которые кажутся нам наиболее продуктивными для современных исследований в этой области.

Во-первых, labour-power — английский эквивалент немецкого Arbeitskraft, или рабочей силы, того самого «специфического товара», потребительная стоимость которого, согласно Марксу [1960 (1867): 177-178], обладает «оригинальным свойством быть источником стоимости». Как напоминает Мойше Постон [Postone 1993: 270], Маркс говорит именно о стоимости как форме, а не о вещественном, материальном богатстве. Товар «рабочая сила» является источником стоимости в смысле «стоимостной предметности» (Wertgegenstandlichkeit), которую Маркс [Там же: 56] противопоставляет «чувственно грубой предметности товарных тел». Иначе говоря, категория рабочей силы важна для нас не как единица статистического описания «народного хозяйства» и не как технический термин экономики труда, но как центральная категория капиталистического способа производства, в основе которого лежит произ-

водство стоимости. А его источником и является рабочая сила — человеческая способность трудиться, заключенная в форму товара.

Предпочитая английские термины русским аналогам, мы следуем за классиками: как заметил Маркс, английский язык «любит вещи, непосредственно данные, обозначать словами германского происхождения, а рефлексированные — словами романского происхождения» [Там же: 44]. Отталкиваясь от этого наблюдения, Энгельс предложил воспользоваться данным «преимуществом» английского языка, чтобы подчеркнуть двойственную природу труда, обозначая «труд, качественно определенный, создающий потребительные стоимости» как *work*, и оставив *labor* для обозначения абстрактного труда, «создающего стоимости и измеряемого лишь количественно» [Там же: 56].

Используя отчетливо марксистскую терминологию в заглавии номера, посвященного современным исследованиям труда¹, мы хотим не столько декларировать приверженность специфической традиции в социальной теории или продемонстрировать знание текстов — добродетель, которая только в применении к текстам Маркса удостоивается уничижительной характеристики «начетничества», — сколько подчеркнуть, что для понимания социальной организации современного труда недостаточно просто исследовать то, как устроены его разнообразные эмпирические формы. На наш взгляд, необходимо также проанализировать то, в какой степени и каким образом этот труд включен в процессы производства стоимости и накопления капитала, т. е. в какой степени он является *абстрактным трудом*.

11

В этом отношении труд является фундаментальной категорией капиталистического способа производства, его «сквозной» характеристикой, и тем самым обнаруживает свой исторически специфический характер [Postone 1993]. Не игнорируя эмпирическое многообразие процессов труда и форм его организации (все то, что схватывается понятием *work*), мы тем не менее рассматриваем их с точки зрения *labor*, абстрактного труда. Современная «работа» интересует нас не как совокупность «практик», каждая из которых обладает уникальным своеобразием, но из перспективы их включения в цепочки производства и накопления капитала.

С другой стороны, название этого номера «Социологии власти» отсылает к названию журнала «Potere Operaio», с которого берет свое начало итальянский автономистский марксизм (операизм). Один из центральных тезисов операизма — утверждение тождества «рабочей силы» и рабочего класса. По мнению Марио Тронти, ключе-

¹ Обращение к Марксу — не дело вкуса: как писал еще в 1993 году Эндрю Эббот, «большая часть синтетических исследований труда являются марксистскими по происхождению, если не по существу» [Abbott 1993: 204].

вого раннего теоретика операизма, в обнаружении этого тождества заключается главное открытие Маркса. Понятие рабочей силы как абстрактной способности к труду присутствует уже в социальной теории Гегеля, а в политэкономии Рикардо рабочая сила рассматривается как товар. Однако именно Марксу удается увидеть, что «товар “рабочая сила”» и рабочий класс суть одно и то же: «Двойственный характер труда — лишь предпосылка: он составляет не само открытие, но лишь средство для его достижения. Мы приходим к рабочему классу не от труда, но от рабочей силы. Перестать говорить о труде и начать говорить о рабочей силе — значит начать говорить о рабочем и перестать говорить о труде. Понятия “рабочая сила”, “живой труд” и “живой рабочий” — синонимы» [Tronti 2019: 112].

Операистская мысль в лице Тронти, Антонио Негри, Паоло Вирно и ряда других авторов открыла новую перспективу анализа трудовых отношений, которую вслед за Тронти можно обозначить как «историю капитала с точки зрения рабочего класса» (*working-class history of capital*) как автономного коллективного субъекта. С этих позиций процессы технологического замещения живого труда (сегодня обсуждаемые в связи с роботизацией и распространением искусственного интеллекта) и внедрение «инновационных» форм его организации (вроде популярных сегодня управленческих методологий Agile) предстают *реакцией* на автономные инициативы рабочего класса — будь то забастовка или спонтанно складывающиеся формы трудовой кооперации. Несмотря на скепсис Тронти по отношению к индустриальной социологии и социальным наукам в целом, социологические преимущества подобного подхода очевидны: вместо того чтобы некритически принимать перестройку трудовых отношений, например, внедрение систем дистанционного контроля или экстернализацию найма, необходимо рассматривать их как исходы эпизодов классовой борьбы.

Хотя «итальянская теория» известна главным образом идеями о «нематериальном», когнитивном, аффективном, лингвистическом труде, смещении границы между рабочим и свободным временем, исчерпание марксова закона стоимости, в рамках настоящего номера важнейшим элементом концептуального наследия операизма для нас является центральная роль труда как силы, участвующей в изобретении форм социальной организации капитала, а не только пассивно подчиняющейся ему. Независимо от того как смещается и где именно пролегает *эмпирическая* граница, отделяющая труд от не-труда — и от того, по какую сторону от этой границы расположены субъективность работника или «фундаментальные и в то же время самые общие логико-лингвистические конструкции» [Вирно 2013: 32], — сама эта граница сохраняется в качестве актуального различия в той мере, в какой современное «общество капитала» остается «цивилизацией труда» [Tronti 2019: 243].

Наконец, Labor/Power можно расшифровать и как «труд-власть» по аналогии с «властью-знанием» (Power/Knowledge, pouvoir-savoir), одним из ключевых концептов Мишеля Фуко. В наследии Фуко нас в меньшей степени интересуют конкретные исследования, связанные с проблематикой труда, — будет ли это анализ Труда как «квантитрансценденталии» современной эпистемы [Фуко 1977 (1966): 329] или история «подгонки накопления людей к накоплению капитала» и роли «рабочей силы» в рождении биополитики [Фуко 1996 (1976): 245-246]. Для нашей цели более важной становится сопряженность власти и знания — сквозной сюжет, проходящий через весь корпус текстов французского философа, от исследования дисциплинарных практик и управления индивидами в рамках отдельных институтов (школа, фабрика, тюрьма) до «технологий власти», точкой приложения которых является совокупность индивидов, составляющих население, и, наконец, к «техникам себя», посредством которых индивиды осуществляют этическое усилие по «конструированию и преобразованию себя» [Фуко 2008 (1993): 72-73; Foucault 1988]. Мы говорим о «власти-знании» в расширенном смысле, прочитывая работы Фуко анахронистически. Принято считать, что этот концепт применим в первую очередь к истории наук о человеке, в которой он позволяет обнаружить конститутивную взаимозависимость знания и власти. Генезис наук о человеке связан со сдвигом от суверенной к дисциплинарной форме власти, инструменты которой — наблюдение, контроль и дисциплинирование индивидов — делают возможной новую форму знания о них [Фуко 1999 (1975); Фуко 2006 (1982): 175-179]. Однако связка знания и власти сохраняется и в контекстах, где это знание не имеет узко утилитарного характера, например, практики, с помощью которых «человек трансформируется в субъект», тоже опосредованы знанием — «формами понимания субъектом самого себя» [Фуко 2006 (1982): 161; Фуко 2008 (1993): 71].

13

Хотя Фуко не занимался специальным изучением этих тем, формальные организации, практики менеджмента, организации труда и сам трудовой процесс, являются сферами опыта, подходящими для исследования конкретных сцеплений власти и знания и модальностей субъективации [Mennicken, Miller 2014]. В отличие от некоторых исследователей, например сторонников гипотезы о «когнитивном капитализме» [Корсани 2007; Лаззарато 2008], мы не придерживаемся той или иной «стадиальной» интерпретации Фуко, в рамках которой на смену дисциплинарному обществу приходит общество контроля [Делез 2004], а субъекта тейлористской дисциплины сменяет неолиберальный «самопредприниматель» [Корсани 2015; Bröckling 2016]. Скорее, эмпирическое многообразие форм труда и его организации не сводится к одной конкретной модальности сцепления власти и знания. Например, в тейлоризме можно

видеть и сугубо утилитарное знание, обеспечивающее дисциплинарный контроль, и форму власти, действие которой опосредовано свободой индивида, который меняет свое поведение, ориентируясь на показатели собственной «эффективности», а не по принуждению [Miller, O'Leary 1987; ср. Фуко 2006 (1982), 179-183]¹. Кроме того, мы хотим подчеркнуть значение фукольдиданских подходов к анализу современного труда: хотя литература, возникшая в результате «эффекта Фуко» в организационных исследованиях, слабо представлена в России — увы, наш номер здесь не стал исключением, — корпус фукольдиданских работ о менеджменте, трудовом процессе и организациях настоятельно требует от любого исследования современного труда если не диалога, то полемики (см. обзоры этого направления в [Raffnsøe, Mennicken, Miller 2019; Cooper 2015; Mennicken, Miller 2014; Power 2011; Barratt 2008]).

Что не так с прежней социологией труда?

Почему мы говорим именно об исследованиях труда, а не о социологии труда? Ответ на этот вопрос требует краткого экскурса в историю социологических исследований труда.

14

Труд был важной темой классической социальной теории рубежа XIX и XX веков, однако «золотой век» индустриальной социологии, частью которой была и социология труда², пришелся на 1930-1950-е годы [Miller 1984; Simpson 1989; Kalleberg 2009; Halford, Strangleman 2009]. В этот период западноевропейская и американская социология в значительной мере «совпадали» с индустриальной социологией как проектом по изучению «индустриального общества»: подобно городу, рынку, формальной организации и классовой структуре, промышленность и «индустриальные отношения» стали метонимией эпохи

1 Ср.: «Когда мы определяем осуществление власти как способ воздействия на действия других, когда мы характеризуем все это как «управление» одних людей другими — в самом широком смысле слова, — мы включаем сюда один важный элемент: элемент свободы. Власть осуществляется только над «свободными» субъектам и лишь постольку, поскольку они «свободны» — под этим мы имеем в виду индивидуальных или коллективных субъектов, перед которыми открывается некое поле возможностей, где могут иметь место разнообразные виды руководства, реакции и поведения» [Фуко 2006 (1982): 181-182].

2 Еще в 1984 году именитый представитель дисциплины описывал предметное поле индустриальной социологии как «исследование труда (work) и трудовых организаций (work organizations), карьер и адаптации рабочих, а также отношений рабочих и трудовых организаций, общества и сообщества» [Miller 1984: 251].

модерна¹. Исторически социология труда опиралась на два теоретических источника: с одной стороны, это традиция этнографического исследования «работы» (work), восходящая к Эверетту Хьюзу и символическому интеракционизму Чикагской школы, с другой стороны, исследования «индустриальных отношений» (industrial relations), восходящие к гуманистическому направлению в менеджменте, связанному со «школой человеческих отношений» (human relations), оформившейся в 1930-е годы в Гарвардской школе бизнеса [Abbott 1993: 188; Simpson 1989]. В послевоенный период два эти направления развивались параллельно, фокусируясь на исследованиях психологической и статусной динамики в малых группах работников, развития профсоюзного движения и индустриальных конфликтов, бюрократии и формальных организаций, постепенно смещаясь в направлении психологической проблематики (удовлетворенности работой, психологического отчуждения) и изучения индивидуальных карьерных траекторий в перспективе «достижения статуса» (status attainment) [Abbott 1993; Ritzer 1989]. По меньшей мере с начала 1960-х годов индустриальная социология быстро интегрируется в рамки более общего поля социологии организаций (см. краткий обзор этого процесса в работе [Hirsch 1975]). Несмотря на то что труд входит в число исследовательских интересов марксистской социологии «по умолчанию», а проблематика классового конфликта и профсоюзной борьбы всегда была одной из ключевых тем в исследованиях «индустриальных отношений», полноценная марксистская интервенция в социологию труда происходит лишь в 1970-е годы, главным образом благодаря публикации работы Гарри Бравермана «Труд и монопольный капитал», положившей начало новому исследовательскому направлению — теории трудового процесса (labor process theory, LPT) [Braverman 1974; Simpson 1989: 572-575; Abbott 1993: 189; Halford, Strangleman 2009: 815-816; Smith 2015]². Хотя работа Бравермана поместила трудовой процесс в фокус исследовательского внимания, ее появление усилило более общую тенденцию возрастающей теоретической зависимости социологии труда от экономической науки [Simpson 1989; Ritzer 1989]. В это же время складываются исследования профессиональной мобильности, неравенства доходов и структуры рынков труда [Kalleberg, Sorensen 1989], составляющие ядро современной литературы о «труде и занятости» (work and occupations).

1 Например, «индустриальная социология/социология труда» была наиболее популярной областью исследований среди британских социологов между 1945 и 1960 годами [Halford, Strangleman 2009: 812].

2 Другой важной марксистской интервенцией 1970-х годов, несомненно, является исследование трудового процесса, проделанное Майклом Буравым [Burawoy 1979].

Таким образом, первый вывод, который можно сделать в отношении выбранного нами предмета, неутешителен: к концу 1970-х годов социология труда фактически «растворилась» в исследованиях организаций, рынков труда и карьерной мобильности. Процесс труда затерялся на фоне исследования организационных форм [Barley, Kunda 2001], а исследования промышленных отношений (industrial relations) были практически полностью замещены исследованиями отношений занятости и рынка труда [Kalleberg 2009]. Если в конце 1980-х годов представители дисциплины дискутировали о путях преодоления ее кризиса [Miller 1984; Simpson 1989; Kalleberg 1989; Ritzer 1989], то в конце 2000-х не столь многочисленные публикации о социологии труда констатировали ее «фрагментацию» [Halford, Strangleman 2009]. Характерно, что в обзорной статье 1993 года, посвященной «социологии труда и занятости» (work and occupations), Эндрю Эбботт [Abbott 1993] констатировал, что, если не брать в расчет социологию профессий и марксизм, в этой области отсутствует синтетическая теория, пригодная для обобщения накопленных эмпирических результатов. Помимо внутренней эволюции социальной теории [Ritzer 1989] можно выделить целый ряд «внешних» причин, объясняющих эту эволюцию: снижение влияния профсоюзов и вообще организованных рабочих движений, размывание привычного образа рабочего, а также то, что наиболее отчужденные виды работ становились малозаметными и малочисленными (на деле перемещаясь в страны третьего мира).

16

В контексте постсоветской России эта дисциплинарная трансформация еще заметнее. В отличие от США в нашей стране основным теоретическим ресурсом для осмысления труда был советский марксизм. По понятным причинам радикальный разрыв с этой версией марксизма после распада СССР означал и разрыв с марксистской традицией в социологии и политической экономии как таковой. И, пожалуй, труд как исследовательская категория пал одной из главных жертв этого преобразования. Само обращение к этому понятию маркировало исследователя как сторонника устаревшей и неактуальной традиции, так что для ряда авторов возможность порвать с проблематикой труда была своего рода способом перестроить свою исследовательскую идентичность. Помимо этого дестабилизация трудовых отношений в 1990-е годы, утрата людьми привычных профессиональных траекторий создавали необходимость изучать процессы *вокруг* труда, но не труд как таковой, например рабочие движения, трудовые отношения и трудовые конфликты, а также правовые аспекты¹. Впрочем, свое влияние сохранила и со-

1 Что было проделано, например, группой Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО) под руководством Саймона Кларка [Борисов, Кларк 2003].

ветская социология труда, которая, однако, всегда была скорее социологией трудящихся, нежели социологией труда. Таким образом, переход от исследований процесса труда к исследованиям организаций и занятости в России проявился, возможно, даже ярче, чем на Западе. За редкими исключениями мы мало что знаем о том, как устроен труд на современных российских предприятиях. Мы надеемся, что наш номер сможет внести известный вклад в возобновление разговора на эту непростую тему.

Помимо дисциплинарных смещений следует выделить несколько характерных теоретических тенденций, результатом которых стала «эрозия» социологии труда. В определенный момент вопросы труда явно уступили место проблематике потребления, досуга и выстраивания идентичности через «свободный» выбор товаров¹. В этой ситуации труд оказывается «лишь» необходимым инструментальным элементом обеспечения потребления, на первое место выходят «досуговые» идентичности и даже сама работа воспринимается как один из «потребительских выборов» наряду с другими [Giddens 1991]. Другая тенденция — дестабилизация определения труда. Хотя дефиниция труда никогда не была однозначна, долгое время исследователям удавалось удерживать некоторое единство его понимания (во многом за счет довольно четко очерченных места и времени труда — «фордистский» цех или офис, с девяти утра до пяти вечера). К 1980-м годам это единство было утрачено. «Старое» понимание труда было объявлено слишком узким, отражающим лишь одну специфическую форму — устойчивый наемный труд «синих воротничков» и «клерков». Такой подход был обвинен в узости и неспособности учесть иные формы труда, не вписывающиеся в четкий ритм жизни цеха и офиса. Пожалуй, наиболее характерно тенденция к экспансии категории труда проявилась в оживленных дискуссиях вокруг статуса домашнего труда на рубеже 1960-1970-х годов [Molyneux 1979; Vogel 2000]. Стремление к экстенсивному толкованию труда сейчас проявляется, например, в предложениях признать трудом даже использование Facebook².

В последнее время, особенно в связи с неослабевающей актуальностью дискуссий о прекаризации занятости, гибкости, текучести и неустойчивости труда, обсуждаемая дестабилизация его определения в каком-то смысле достигла предела. Даже те исследователи,

1 Причем эта тенденция вызвана как переключением левой критики с критики организации производства на критику «общества потребления», так и тезисом об «обуржуазивании рабочих», высказанным в работах Дж. Голдторпа.

2 Примечательно здесь возникновение движения wages for facebook по аналогии с wages for housework [Power of Women Collective 1973; Jung 2014].

которым все еще важно подчеркнуть первичность производства, уже почти готовы согласиться, что любая деятельность человека может быть описана как труд [Fleming 2014]; с другой стороны, можно встретить утверждения, что современный труд настолько преобразился, что по своим отдельным характеристикам уже скорее напоминает досуг и «свободную деятельность» [Lewis 2003].

Мы не можем согласиться с таким положением дел. Не оспаривая тот факт, что граница труда и не-труда подвижна и сегодня является, пожалуй, беспрецедентно размытой, мы утверждаем, что само это различие является одновременно результатом социальной борьбы за признание и артикулируется в объективном процессе производства стоимости. Таким образом, поскольку эта граница не исчезает, но лишь смещается и наполняется новым эмпирическим содержанием, необходимо рассматривать не только конкретно-исторический процесс, в котором она конституируется (или «отодвигается» для того, чтобы сохранять неоплачиваемый характер определенных видов работы, не признаваемых в качестве труда), но и саму необходимость удержания этой границы для все более сложных цепочек организованного производства и извлечения стоимости. Именно этими соображениями мотивировано наше обращение к Марксу. Как заметил Эбботт [Abbott 1993: 204], «архетипическим исследованием труда (work), конечно же, является “Капитал”: исследование, охватывающее как микро-, так и макроуровень, от социальной структуры до (иногда) культуры, систематически связывающее воедино теорию экономики, труда, организации и ассоциации, и размещающее получившееся целое в рамках концепции исторического процесса». Мы бы хотели рассматривать тексты, представленные в этом номере, как попытки приблизиться к этому образцу.

18

Краткий обзор содержания номера

Номер открывается статьей Андрея Шевчука, где на основе впечатляющего массива современных исследований цифровых платформ автор анализирует базовые принципы организации «платформенного труда» и предлагает классификацию платформ, исходя из уровня трудовой автономии работников. На наш взгляд, наиболее важный вклад этой работы в современную дискуссию о платформах состоит в том, что была сделана продуктивная попытка классификации не с точки зрения вариативности бизнес-моделей¹, но с пози-

1 Как это, например, сделано в популярной книге Ника Срничека [2019] «Капитализм платформ».

ций анализа трудовых отношений. Функции контроля и автономии труда в платформах, разумеется, хорошо изучены, однако Шевчук делает важный шаг к систематизации наблюдений: модель «маркетплейсов» и «теневых корпораций» — первое и базовое теоретическое различие, от которого в дальнейшем могут отталкиваться исследователи.

Среди многочисленных критиков теории когнитивного капитализма мало кто обратил внимание на отсутствие в ней внятного анализа механизмов организации труда — большинство авторов, рассуждающих о «нематериальном» труде, ограничиваются указанием на то, что этот труд отклоняется от описанного Марксом закона стоимости. К этому сюжету обращается Давид Хумарян, рассматривая возможные теоретические варианты ответа на вопрос, как устроен процесс труда «когнитивных» работников, и выдвигая гипотезу неотейлористского контроля. Имманентные противоречия когнитивного капитализма создают экстремальную неопределенность, на что организации вынуждены реагировать путем создания систем управленческого контроля, основным средством которого является возможность произвольного вмешательства в процесс труда. Популярная сегодня управленческая методология Agile оказывается, таким образом, не отрицанием, а продолжением «системы Тейлора», по-новому артикулирующим разделение концептуальных и исполнительских задач, лежавшее в основе последней.

19

В работе Ильи Иншакова исследуются техники контроля труда в российских компаниях, занятых в секторе нематериального производства. Статья призвана продолжить дискуссию об организации нематериального труда, начатую ранее в разделе теории, но уже с позиций эмпирического описания. Изучению здесь подлежат практики управления, нормализации, надзора и контроля за ежедневными рабочими операциями. Иншаков работает в современном поле фукольдианских исследований организаций и на первом уровне анализа структурирует данные своих наблюдений в соответствии с дихотомией «дисциплина/биополитика». Однако затем, следуя за интуициями, развитыми в поздних текстах Фуко, Иншаков обращается к процессу субъективации. В ансамбле практик организации труда появляется дополнительное измерение. Работа субъекта и практики сопротивления, которые встраиваются в процессы нематериального производства, — сюжет, достаточно хорошо представленный в литературе по исследованиям менеджмента, но едва ли изученный на примере российских компаний.

Статья Натальи Трегубовой обращается к классической проблематике социологии труда и теории организаций — взаимосвязи профессиональной экспертизы, разделения труда и внутриорганизационной иерархии, анализируя процессы внедрения искус-

ственного интеллекта (ИИ) в трудовой процесс. Анализ данных, собранных в ходе интервью с работниками более десяти организаций в России и Беларуси, показывает, что новые технологии встраиваются в существующий контекст формальных и неформальных иерархий, рутинных практик работы, в сложившееся разделение труда и экспертизы, и наделяются смыслом в рамках этого контекста. С этой точки зрения, искусственный интеллект во многом повторяет судьбу программного обеспечения в 1960-е годы. Пока организации учатся взаимодействовать с этим новым «объектом», не вполне ясно, как именно он будет интегрирован в существующие бизнес-модели и производственные цепочки (является ли ИИ товаром или услугой?). Анализируя локальные определения ИИ в организациях, Трегубова показывает, что сегодня искусственный интеллект — не столько конкретная технология, сколько имя, организующее гетерогенные наборы практик, существенно отличающиеся друг от друга в зависимости от организационного контекста. Процессы внедрения искусственного интеллекта не приводят к простому технологическому замещению, скорее, происходит перераспределение экспертизы внутри организаций. Алгоритмы «поглощают» часть локального знания, которое задействовано в процессе труда, но одновременно создают пространство для новых видов локального знания, необходимого, чтобы их «отлаживать», а также новые профессиональные ниши, связанные с необходимостью координировать разные виды экспертизы.

В большинстве текстов в этом номере представлены исследования нематериальной или когнитивной работы (труд программистов, креативных работников, ИТ-специалистов, инженеров). Тем более пристального внимания заслуживает единственная работа, в которой рассматривается современный индустриальный труд. Статья Елены Гудовой выполнена в лучших традициях индустриальной социологии. В ней суммируются результаты включенного наблюдения за работой российской почтовой службы. Опираясь на традицию организационной этнографии и теорию организаций как «слабо сцепленных» систем, Гудова фокусируется на неявном знании и работе интерпретации, которую проделывают акторы, добываясь координации структурно слабо связанных процессов. Множественность темпоральных порядков, географически распределенный характер логистических цепей, разнообразие обличий и регистров власти укрощаются посредством лингвистического труда, нарративов, организующих форму производства и режимы координации, и в меньшей степени при помощи технических средств координации или менеджериальных решений.

Роман Абрамов продолжает свой проект исследования жизни и труда советской инженерно-технической интеллигенции. В «Со-

циологи власти» публикуется результат изучения автором воспоминаний и других личных материалов советских инженерных служащих периода 1960–1980-х годов. При этом в духе исторической антропологии акцент в статье делается на описании повседневности и специфических для этой профессиональной группы особенностей трудовой деятельности. Абрамов показывает, что некоторые аспекты организации труда в советской системе НИОКР неожиданным образом напоминают черты постфордистской модели гибкой специализации. Однако в отличие от современных гибких производств, сформировавшихся на рубеже 1970–1980-х годов в рыночных экономиках Европы и США в ответ на волатильность спроса на мировом рынке, движущей силой организационной «гибкости» советских КБ были произвольные решения высшего партийного руководства. Не менее интригующими с точки зрения возможностей для реконструкции и концептуализации характера инженерного труда в СССР нам представляются свидетельства (пусть и фрагментарные) о том, что труд в советских НИИ, лабораториях и конструкторских бюро отчасти воспроизводил современную логику проектной координации, которая была тщательно изучена Люком Болтански и Эв Кьяпелло на материале 1980–1990-х годов. Анализ возможных пересечений между «градаами» проектной координации и индустриальной дисциплины в советской практике организации труда ученых, инженеров и «технических специалистов» выглядит многообещающим направлением для дальнейших исследований в этой области.

Раздел «Переводы» состоит из трех текстов и открывается работой Марио Тронти о «стратегии отказа». Фрагмент «Стратегия отказа» был написан в 1965 году и вошел в состав книги «Operai e Capitale», увидевшей свет в 1966 году в издательстве Einaudi и на какое-то время ставшей «библией операизма» — прежде всего для группы Potere Operaio, сформировавшейся вокруг одноименного журнала и давшей название всему этому течению [Wright 2019: vii; см. также Wright 2002]. В «Стратегии отказа» отчетливо сформулирован ряд ключевых идей, ставших «визитной карточкой» операизма и его теоретических наследников. Тронти переворачивает ортодоксальный марксистский аргумент, сохраняя его диалектическую структуру. Капиталисты находятся в постоянной зависимости от рабочих, которые в качестве рабочей силы являются «создателями капитала», и именно эта исходная зависимость делает необходимой эксплуатацию. С этой точки зрения современное общество («общество капитала») оказывается не «индустриальной цивилизацией», но цивилизацией наемного труда. Однако «рабочий *создает* капитал не только в том смысле, что он продает рабочую силу, но и в том, что он является *носителем* классового отношения» [Тронти 2020: 220]. Классовый антагонизм оказывается встроен в динамику капитализма — внедрение

технологических и организационных инноваций на производстве, а также все более организованная эксплуатация рабочих капиталистами суть не что иное, как «история последовательных попыток капиталистического класса освободиться от рабочего класса» [Тронти 2020: 221]¹. Институционализированные формы классовой борьбы, например коллективные переговоры капиталистов и профсоюзов, становятся, таким образом, элементом саморегуляции капитала, его «артикуляцией» рабочим классом. В свете этого анализа новой формой антагонизма становится «стратегия отказа» [Тронти 2020: 210] — отказа выдвигать позитивную программу требований и ограничивать классовый антагонизм юридическими рамками. Текст Тронти позволяет убедиться в том, что операизм был прежде всего политическим течением, и именно благодаря сфокусированности на актуальных задачах классовой борьбы операистский анализ обретает свою теоретическую глубину. В отличие от популярного сегодня постопераизма, возникшего в результате встречи итальянского автономистского марксизма и «французской теории», в тексте Тронти не идет речь о «дематериализации» труда или изменении характера производства стоимости, предположительно отличающем современный, «информационный» или «когнитивный» капитализм от его «индустриальной» версии. Скорее, труд и капитал представляют собой фундаментальные, «сквозные» категории капиталистического способа производства на всем протяжении его исторического существования. Не ослабевающая популярность Антонио Негри, Паоло Вирно, Франко Берарди и других постопераистских авторов в России резко контрастирует с отсутствием русского перевода одного из ключевых текстов этого течения. Публикуя «Стратегию отказа», мы надеемся восполнить эту досадную лакуну.

Два других перевода призваны дать представление о современных исследованиях труда за пределами социологии: в сравнительной политической экономии и истории бизнеса. Впервые на русский язык переведена работа Мэтта Видала «Герiatricкий капитализм: стагнация и кризис постфордистского режима накопления», опубликованная в 2019 году в «The Oxford Handbook of Karl Marx» [Vidal, Smith, Rotta, Prew 2019]. Видал — один из наиболее интересных представителей современной марксистской социологии труда и политической экономии. Его исследование опирается на влиятельную традицию политической экономии, получившую

1 Позднее Антонио Негри и Майкл Хардт [Negri, Hardt 2002] дистиллировали это рассуждение до кратких тезисов: «Технологическое развитие: где были забастовки — появятся машины. [...] Борьба рабочего класса предшествует и предвосхищает последующую перестройку капитала».

известность как Школа регуляции (*École de la régulation*). Теория регуляции изучает формы институционального регулирования капитализма на макроуровне. К таким формам относятся финансовая система (система денежного обращения), форма конкуренции, международные и национальные режимы регулирования, а также трудовые отношения и формы занятости, что особенно важно для конструкции нашего номера. Работа Видала очерчивает широкую перспективу регулирования капитализма на протяжении последних 50 лет, тем самым задавая необходимый ракурс для восприятия исследований организации труда и трансформации трудовых отношений. Кроме того, исследование Видала является прекрасным примером применения классического марксистского анализа к объяснению современных тенденций рынков труда (прекаризация и экстернализация занятости), государственного и международного регулирования экономических и социальных отношений (дерегуляция рынков, финансиализация корпораций). Противоречия капиталистического развития, кризисы перепроизводства и перенакопления, закон тенденции нормы прибыли к понижению — не абстрактные формулы, предрекающие крах капиталистической экономики, но точные понятия, позволяющие описать структурные особенности капитализма, к которым государства, фирмы и наемные работники вынуждены адаптироваться при помощи институтов. Марксистский взгляд на проблему по-прежнему представляет собой продуктивный способ широкого и критического понимания трудовых процессов, которые мы зачастую видим лишь изолированно, в их частных проявлениях. Чтобы избежать теоретической близорукости, в которую могут впасть исследователи конкретных форм труда, занятости, контроля и автономии на рабочем месте, мы предлагаем принять во внимание аргументы, представленные в статье Видала.

Статья историка Штефана Линка посвящена управленческим практикам Ford Motor Company — locus classicus современных дискуссий о фордизме и постфордизме, в которых зачастую игнорируется исторический контекст, а сами эти понятия превращаются в абстрактные «стадии» развития капитализма, лишённые теоретического содержания. Опираясь на веберовскую теорию харизматического господства, Линк показывает, что парадоксальным образом управленческие практики Генри Форда были полной противоположностью расхожим представлениям о «фордизме». В период масштабной организационной перестройки американской экономики Форд и его ближайшие соратники открыто противостояли доминирующим тенденциям своей эпохи, отвергая профессионализацию менеджмента, разделение собственности и контроля, нарастающую зависимость крупного бизнеса от за-

емного капитала и тейлоризм как систему контроля за трудовым процессом. Управляя Ford Motor Company, Форд и его «штаб управления» стремились воплотить в жизнь социально-политическую программу, укорененную в этосе квалифицированных рабочих-«механиков». Они ориентировались на постоянное совершенствование инженерных решений, а не на максимизацию отдачи от инвестиций, ставили самостоятельную инициативу, практические навыки и лояльность компании выше строгого разграничения полномочий и формального бизнес-образования, предпочитали полагаться на неформальные рутинные, а не на бюрократические правила как на производстве, так и в управлении. Этот этос нашел отражение и в «миссии» Форда: превратить личный автомобиль из предмета роскоши в предмет массового потребления, тем самым бросив популистский вызов крупной буржуазии и финансовому капиталу. Наличие «миссии» позволяет охарактеризовать Ford Motor Company как «харизматическую корпорацию» и по-новому взглянуть на ее организационную структуру и систему управления. В качестве организации, нацеленной на осуществление «миссии», компания Форда перестает казаться дисфункциональным отклонением от идеального типа рациональной бюрократии и становится вполне «функциональной» организационной структурой, приспособленной для отправления харизматического господства, вдохновляемого «миссией». Хотя с дисциплинарной точки зрения статья Линка относится к жанру истории бизнеса (business history), его исследование по сути является историко-социологическим. Вслед за Вебером Линк напоминает, что харизма не является просто персональным атрибутом, но представляет собой определенную социальную структуру. Эта идея позволяет наполнить теоретическим содержанием наблюдаемые организационные формы, не вписывающиеся в модель максимизирующей прибыль фирмы. Экономические историки не случайно сравнивают автомобильную промышленность Детройта 1920-х годов с другим бурно развивающимся технологическим кластером — калифорнийской Кремниевой долиной. Как пишет Линк, «харизматическая корпорация» Генри Форда во многом напоминает Apple под управлением Стива Джобса и Tesla под руководством Илона Маска. Анализ, построенный на идее харизматического господства, не требует не критического принятия декларируемых подобными предпринимателями целей — пресловутого «to make the world a better place», — но призывает всерьез рассмотреть внутриорганизационные последствия, к которым приводит само их наличие.

Раздел рецензий играет важную роль в композиции номера. Представленные в нем работы, с одной стороны, помогают продвинуться в понимании актуальной повестки исследований тру-

да, в том числе неоплачиваемого труда, геймифицированного труда (playbor), условий работы в «технологических» компаниях. А с другой стороны, с их помощью мы попытались заполнить образовавшиеся в номере тематические лакуны: познакомить читателя с богатой традицией осмысления трудовых отношений в феминистской теории и исследованиях по социальной истории. Алеся Серада написала важную рецензию на книгу британского социолога Джейми Вудкока «Ассасин в аркадах», обобщающую результаты исследования характера труда в игровой индустрии. Рецензия размещает работу Вудкока в пространстве актуальной теоретической дискуссии — об организации нематериального труда, прекаризации занятости, аффективном труде, а также отслеживает генеалогию самого автора, начавшего карьеру с вдохновенных постопераизмом исследований видеоигр. Серада отмечает, что книга Вудкока в большей степени будет полезна тем, кто только начинает исследовать социальную организацию и экономику индустрии видеоигр. Она написана в учебно-просветительском жанре и становится продолжением политического проекта британского социолога, обладающего значительным опытом профсоюзного органайзинга в «передовых» индустриях вроде разработки игр. Пожалуй, то же верно и в отношении самой рецензии: обсуждая работу Вудкока, Серада затрагивает наиболее важные дискуссии в критических исследованиях видеоигр, предлагая читателю широкую панораму этой научной области.

25

Историк Михаил Пискунов подготовил подробную рецензию на монографию Алины-Сандры Куку об организации труда на заводах в румынском городе Клуж в разгар индустриализации. В книге анализируются противоречия румынского опыта экономического планирования. С 1960-х годов руководству Румынской коммунистической партии приходилось сдерживать коллективизацию села с целью сохранения необходимых темпов маятниковой миграции сельских рабочих в города. В свою очередь это было необходимо, чтобы компенсировать отток квалифицированной рабочей силы из наиболее производительных отраслей промышленности, где внедрялись тейлористские методы организации труда, которые привели к интенсификации труда при сохранении прежнего уровня заработной платы. Результатом стало не только размывание рабочего класса в городе Клуж, но и проявление специфических симптомов «несинхронности» (Ungleichzeitigkeit), которая затем нашла отражение в политической и идеологической практике румынского социализма. Пискунов детально анализирует монографию румынской исследовательницы, вписывая ее в более широкий контекст исторической антропологии труда и дискуссий о природе социального-экономического порядка стран «реального социализма».

Заключительная рецензия Анастасии Кальк посвящена сборнику статей о теории социального воспроизводства, вышедшему под редакцией Тити Бхаттачарья в 2017 году. Обсуждая эту книгу, Кальк помещает ее не только в контекст актуальных дискуссий о репродуктивном труде и коммерциализации заботы, но и в историческую перспективу развития феминистской теории. Автор показывает, что одним из эффектов влияния постструктурализма на феминистскую теорию последних десятилетий стало исчезновение трудовых отношений из теоретической повестки дня. Для феминисток третьей волны сами понятия социального воспроизводства и труда по уходу, заботе и воспитанию (*caring labor*) стали устойчиво ассоциироваться со второй волной феминизма и марксистским экономическим детерминизмом. Теория социального воспроизводства, набросок которой представлен в рецензируемом сборнике, возобновляет феминистскую дискуссию о труде и его границах, начатую социалистическими феминистками в 1970-е годы, очерчивая границы сферы воспроизводства. В нее входят неоплачиваемая работа по дому, воспитание детей, уход за пожилыми родственниками, организации общественных движений, а также труд школьных учителей, медицинского персонала, работа в организациях общественного сектора и т. д., иначе говоря, все то, что поддерживает работу капиталистической системы. Как замечает Кальк, столь широкое понимание социального воспроизводства потребует дальнейшего уточнения, однако даже не будучи окончательно настроенной, эта теоретическая оптика позволяет рассмотреть целый ряд эмпирических сюжетов, иначе оставшихся бы незамеченными, в первую очередь современный женский трудовой протест.

Библиография / References

Борисов В., Кларк С. (2003) *Профсоюзы России: организация или пространство?* М.: ИСИТО.

— Borisov V., Clark S. (2003) *Trade Unions of Russia: Organization or Space?* М.: ISITO. — in Russ.

Вирно П. (2013) *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*, М.: Ад Маргинем Пресс.

— Virno P. (2013) *A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life*, М.: Ad Marginem Press. — in Russ.

Делез Ж. (2004) Post scriptum к обществам контроля. Делез Ж. *Переговоры*. пер. с франц. В.Ю. Быстрова, СПб.: Наука: 226-233.

— Deleuze J. (2004) Postscript on the Societies of Control. Deleuze J. *Conversations*. transl. by V.Yu. Bystrova, SPb.: Science: 226-233. — in Russ.

Корсани А. (2007) Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме. *Логос*, 4 (61): 123-143.

— Korsani A. (2007) Capitalism, biotechnology and neoliberalism. Information to reflections on relations between capital, knowledge and life in cognitive capitalism. *Logos*, 4(61): 123-143. — in Russ.

Корсани А. (2015) Трансформации труда и его темпоральностей. Хронологическая дезориентация и колонизация нерабочего времени. *Логос*, 3 (105): 51-71.

— Korsani A. (2015) Transformation of Labor and its Temporality. Chronological Disorientation and Colonization of Non-Working Time. *Logos*, 3(105): 51-71. — in Russ.

Лаззарато М. (2008) Нематериальный труд. *Художественный журнал*, 69. (<http://moscowartmagazine.com/issue/23/article/369>)

— Lazzarato M. (2008) Intermaterial labor. *Art Magazine*, 69. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/23/article/369>. — in Russ.

Маркс К. (1960 [1867]) *Капитал. Критика политической экономии*. Том I. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е, М.: Государственное издательство политической литературы.

— Marx K. (1960 [1867]) Capital. Critique of Political Economy. Volume I. Marx K., Engels F. *Works*. Second edition. Moscow: State publishing house of political literature. — in Russ.

Срничек Н. (2019) *Капитализм платформ*, М.: ИД ВШЭ.

— Srnichек N. (2019) *Platform Capitalism*, М.: HSE Publishing House. — in Russ.

Фуко М. (1999 [1975]) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*, М.: Ad Marginem.

— Foucault M. (1999 [1975]) *Overseeing and Punishing. Birth of a prison*, М.: Ad Marginem. — in Russ.

Фуко М. (1977 [1966]) *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*, М.: Прогресс.

— Foucault M. (1977 [1966]) *Words and Things. Archaeology of Humanities*, М.: Progress. — in Russ.

Фуко М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*, М.: Касталь.

— Foucault M. (1996) *The Will for Truth: On the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years*, М.: Castal. — in Russ.

Фуко М. (2006 [1982]) Субъект и власть. Фуко М. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 3, М.: Праксис: 161-190.

— Foucault M.: Castal. (2006 [1982]) Subject and Power. Foucault M. *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews*, М.: Praxis. Vol. 3: 161-190. — in Russ.

Фуко М. (2008 [1993]) О начале герменевтики себя. *Логос* 2 (65): 65-95.

— Foucault M. (2008 [1993]) On the Beginning of Hermeneutics of Myself. *Logos*, 2(65): 65-95. — in Russ.

- Abbott A. (1993) The Sociology of Work and Occupations. *Annual Review of Sociology*, 19: 187-209.
- Barley S.R., Kunda G. (2001) Bringing work back in. *Organization science*, 12 (1): 76-95.
- Barratt E. (2008) The later Foucault in organization and management studies. *Human Relations*, 61 (4): 515-537.
- Braverman H. (1974). *Labor and Monopoly Capital*, New York: Monthly Review Press.
- Bröckling U. (2016) *The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject*, London: SAGE Publications Ltd.
- Burawoy M. (1979) *Manufacturing consent: Changes in the Labor Process under Monopoly Capitalism*, Chicago, Illinois; London: University of Chicago Press.
- Cooper C. (2015) Entrepreneurs of the self: The development of management control since 1976. *Accounting, Organizations and Society*, 47: 14-24.
- Fleming P. (2014) When 'life itself' goes to work: Reviewing shifts in organizational life through the lens of biopower. *Human Relations*, 67 (7): 875-901.
- Foucault M. (1988) Technologies of the Self. L.H. Martin P.H. Hutton (eds) *Technologies of the Self. A Seminar with Michel Foucault*, London: Tavistock: 16-49.
- Giddens A. (1991). *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Stanford: Stanford University Press.
- Halford S., Strangleman T. (2009) In search of the sociology of work: Past, present and future [Editorial]. *Sociology*, 43 (5): 811-828.
- Hirsch P. (1975) Organizational Analysis and Industrial Sociology: An Instance of Cultural Lag. *The American Sociologist*, 10 (1): 3-12.
- Jung E. (2014) Wages for Facebook. *Dissent*, 61 (2), 47-50.
- Kalleberg A., Sorensen A. (1979) The Sociology of Labor Markets. *Annual Review of Sociology*, 5: 351-379. (www.jstor.org/stable/2945959)
- Kalleberg A. (1989) Linking Macro and Micro Levels: Bringing the Workers Back into the Sociology of Work. *Social Forces*, 67 (3): 582-592.
- Kalleberg A. (2009) Rethinking the Sociology of Work, Workers and the Workplace. *Labour & Industry: A Journal of the Social and Economic Relations of Work*, 19 (3): 29-48.
- Lewis S. (2003) The integration of paid work and the rest of life. Is post-industrial work the new leisure? *Leisure Studies*, 22 (4): 343-345.
- Mennicken A., Miller P. (2014) Michel Foucault and the administering of lives. *The Oxford Handbook of Sociology, Social Theory, and Organization Studies: Contemporary Currents*. Oxford, UK: Oxford University Press: 11-38.
- Miller D. (1984) Whatever Will Happen to Industrial Sociology. *The Sociological Quarterly*, 25 (2): 251-256.
- Miller P., O'Leary T. (1987) Accounting and the Construction of the Governable Person. *Accounting, Organizations and Society*, 12 (3): 235-265.
- Molyneux M. (1979) Beyond the domestic labour debate. *New Left Review*, 116 (3): 3-27.
- Negri A., Hardt M. (2002) Marx's Mole is Dead! Globalisation and Communication. *Eurozine*, February 13. (<https://www.eurozine.com/marxs-mole-is-dead-2/>)

Postone M. (1993) *Time, Labor, and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory*, Cambridge: Cambridge University Press.

Power M. (2011) Foucault and Sociology. *Annual Review of Sociology*, 37: 35-56.

Power of Women Collective (1973) *Wages for housework* (Women in struggle. No.1). S. 1.]: [Power of Women Collective].

Raffnsøe S., Mennicken A., Miller P. (2019) The Foucault Effect in Organization Studies. *Organization Studies*, 40 (2): 155-182.

Ritzer G. (1989) Sociology of Work: A Metatheoretical Analysis. *Social Forces*, 67 (3): 593-604.

Simpson I. (1989) The Sociology of Work: Where Have the Workers Gone? *Social Forces*, 67 (3): 563-581.

Smith C. (2015) Continuity and change in labor process analysis forty years after Labor and Monopoly Capital. *Labor Studies Journal*, 40 (3): 222-242.

Tronti M. (2019 [1966]) *Workers and Capital*. Translated by David Broder, London; New York: Verso.

Vogel L. (2000) Domestic labor revisited. *Science & Society*, 151-170.

Wright S. (2002) *Storming Heaven. Class Composition and Struggle in Italian Autonomist Marxism*, London: Pluto Press.

Wright S. (2019) Foreword. M. Tronti (ed.) *Workers and Capital*, London; New York: Verso.

29

Рекомендация для цитирования:

Хумарян Д.Г., Жихаревич Д.М., Коновалов И.А. (2020) К новым исследованиям труда: вместо предисловия. *Социология власти*, 32 (1): 8-29.

For citations:

Khumaryan D.G., Zhikharevich D.M., Konovalov I.A. (2020) Towards New Studies of Labor: Instead of an Introduction. *Sociology of Power*, 32 (1): 8-29.

Поступило в редакцию: 20.03.2020; принято в печать: 24.03.2020

Received: 20.03.2020; Accepted for publication: 24.03.2020